

Иванова Светлана Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
<https://orcid.org/0000-0002-0127-9934>
svet_victoria@mail.ru

Хакимова Гульнара Шарифулловна

Южно-Уральский государственный университет — филиал в г. Златоусте,
Россия, 456209, Златоуст, ул. Тургенева, 16
<https://orcid.org/0000-0003-3287-6966>
khakimovags@susu.ru

Эвиденциальность и эпистемическая модальность: сопряжение на уровне семантики слова

Для цитирования: Иванова С. В., Хакимова Г. Ш. Эвиденциальность и эпистемическая модальность: сопряжение на уровне семантики слова. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (4): 802–824. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.403>

Отправной точкой для данной работы послужили труды С. Т. Нефёдова, глубоко исследовавшего широкий круг проблем в области модальности. В статье рассматриваются особенности взаимосвязи двух категорий — эвиденциальности и эпистемической модальности. Первая используется говорящим для описания источника информации, которым он располагает для утверждения пропозиции, вторая — для перформативного выражения субъективного мнения об истинности последней. Несмотря на признаваемый за эвиденциальностью и эпистемической модальностью самостоятельный статус, они реализуются в рамках одной пропозиции. В данной работе их взаимодействие исследуется на примере прототипического эвиденциального маркера *hearsay*. Выбор этого маркера вызван его сложной семантикой, в которой совмещаются эпистемические и эвиденциальные компоненты, что позволяет уточнить характер связей изучаемых категорий. Семасиологический и ономасиологический подходы, используемые для достижения поставленной цели, реализуются посредством компонентного анализа, дополненного рядом методик логико-семантического подхода, а также контекстуального метода. В результате анализа и обобщения лексикографического значения слова *hearsay* выявлено наличие пяти лексико-семантических вариантов в составе семантемы. На уровне семантики эвиденциала эпистемическое значение инкорпорировано в структуру всех лексико-семантических вариантов полисеманта *hearsay*. В работе вводится термин «интерплей» для обозначения неоднозначного и несимметричного характера интеграции эвиденциальности и эпистемической модальности. Кроме того, переплетение эвиденциального и эпистемического факторов является инферентным. Это выражается в том, что передаваемая в семантеме разность в степени удаленности от источника приобретаемого знания (свидетельство из вторых/третьих рук, относимого, соответственно, к кватативу и репортативу) предполагает разную степень эпистемичности, манифестирующей свойства градиентности. Таким образом, обращение к понятию свидетельства и уровневый подход к его классификации способствует более

глубокому пониманию причин расширения эвиденциальных значений и характера их смыкания с эпистемическими значениями.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, эвиденциальность, маркер эвиденциальности, *hearsay*, интерплей.

Введение

Исходные положения и постановка проблемы

Проблема модальности, которой много и углубленно занимался С. Т. Нефёдов [Нефёдов 2017], остается на острие лингвистических изысканий в силу спорности самой категории, неустановленности круга формирующих ее значений, недостаточности в описании специфики способов ее языкового представления, размытости границ между модальностью и другими категориями [Нефёдов 2007: 194]. С одной стороны, модальность граничит с устоявшимися в лингвистическом отношении категориями отрицания, коммуникативной целеустановки, темпоральности, эмоциональности [Нефёдов 2007: 194]. С другой стороны, она смыкается с такими краеугольными понятиями современной лингвистики и философии, как коммуникация, достоверность, знание, которое человек получает в рамках индивидуального чувственного опыта (*empirical knowledge*), и знание, получаемое в процессе коммуникации с другими (*knowledge through communication*). Разграничение видов получаемого знания выводит исследователя в плоскость двух категорий: эвиденциальности и эпистемической модальности. В узкой трактовке первая связана с кодированием источника информации, вторая — с оценкой говорящим степени достоверности высказывания. Так, модальность уверенности может быть выражена «как данность, бытийность, как личная вера, убежденность и как основательное знание, результат мыслительных действий субъекта» [Нефёдов 2007: 196]. Как явствует из этого, связь рассматриваемых категорий несомненна и очевидна: и та и другая имеют дело со знанием, и, хотя эпистемика направлена в сторону оценки уверенности передаваемого, а эвиденциальность — в сторону достоверности передаваемого знания посредством указания его источника, обе категории вступают в сложный симбиоз, поскольку любое эпистемическое утверждение зиждется на свидетельстве [Nyuyts 2006: 11]. Соответственно, возникает непростая проблема их разграничения, которая уже имеет определенную историю в научной литературе.

Ряд авторов считают эти категории независимыми, проводя между ними строгую границу (напр.: [Храковский 2005: 172–181; Anderson 1986: 284–300; Cornillie 2009: 46; Willett 1988: 53–60]). В частности, Б. Корнилли, обращаясь к проблеме категоризации понятий эвиденциальности и эпистемической модальности, определяет их как две функционально и концептуально различные категории. По его мысли, эвиденциальность относится к перцептивному и эпистемологическому основанию пропозиции, в то время как эпистемическая модальность касается суждения о вероятности того, что пропозиция истинна. Другими словами, Корнилли выступает за четкое разграничение этих категорий, решительно отрицая их включение или пересечение. Используя данные ряда европейских языков, исследователь демонстрирует, что эпистемическая оценка не обязательно коррелирует с конкретным способом познания, и предполагает, что причина, по которой эти две категории

часто объединяются в лингвистической литературе, объясняется в терминах степени надежности свидетельства, а не эпистемической оценки истины, которые представляют собой разные феномены. Соответственно, в анализируемых им примерах эвиденциальное прочтение является основным, а эпистемическое значение — вторичным, подразумеваемым [Cornillie 2009].

Согласно альтернативной точке зрения, обсуждаемые категории взаимодействуют, коррелируя в рамках гиперо-гипонимических отношений. Впрочем, вопрос их включенности в ту или иную категорию остается спорным. В классических работах по модальности (например, в исследовании [Palmer 2001]) эвиденциальные маркеры рассматриваются как частные случаи эпистемической модальности. Напротив, в концепции У. Чейфа широкое понимание эвиденциальности, включающее не только указание на источник информации, но и отношение говорящего к пропозиции, т.е. выражение той или иной степени достоверности пропозиции без указания источника, приводит к тому, что эпистемическая модальность входит в поле эвиденциальности в качестве ее подкатегории [Chafe 1986: 261]. Позднее на этой основе проблема соотносительности указанных категорий разрабатывается М. Беднарек в рамках концепции эпистемологического позиционирования (*epistemological positioning*), введенного для выражения различных типов оценок знаний. Она предлагает объединить под этой зонтичной категорией четыре подкатегории: эвиденциальность (маркировка свидетельства), эпистемическую модальность (обозначение определенности знания), миративность (указание возможного отклонения от знания) и объем знания (фиксация тех или иных ограничений знания) [Bednarek 2006: 637–638].

В настоящее время большинство лингвистов склоняются к третьей точке зрения на соотношение семантики эпистемической модальности и эвиденциальности. В современных типологиях, прежде всего в исследованиях романских и германских языков, они признаются коррелирующими и пересекающимися, хотя строго различаются и считаются самостоятельными. В рамках пропозиции, закодированной в высказывании, обе категории характеризуют «отношение говорящего к эпистемическому статусу информации» [Dendale, Tasmowski 2001: 340]. По мнению Б. Вимера, в семантике многих эвиденциальных маркеров содержатся эпистемические «обертонны», выступающие в качестве дополнительных компонентов, иногда более значимых, чем их эвиденциальная функция [Wiemer 2010: 60].

Еще более решительную позицию занимает Р. Флойд, утверждая, что любой эвиденциал имеет абстрактное схематическое значение, характеризующееся наличием некоторого аспекта эпистемической модальности. Кроме того, по его мнению, прототипическое значение источника информации, которым обладает каждый эвиденциал, обеспечивает основу для расширенных смыслов, которые могут не иметь ничего общего с источником информации как таковым и которые, в свою очередь, могут мотивировать другие расширенные смыслы [Floyd 1999: 1–2]. В новейших работах данная трактовка завоевывает все более прочные позиции. Утверждается, что эвиденциальность выступает

не только как маркировка источника сведений, но и выражает ту или иную степень доверия данному источнику и, как следствие, репрезентирует определенную степень уверенности/неуверенности автора/субъекта коммуникации в истинности передаваемой информации [Козловский 2023: 25].

Тесная взаимосвязь, но при этом самостоятельный статус эпистемической модальности и эвиденциальности подчеркивается в концепции, предложенной К. Бойе. Он включает их в качестве подкатегорий в суперординатную категорию эпистемичности, понятийно определяемую в терминах аргументации [Boye 2012: 317]. Продолжая развивать данный подход и определяя эвиденциальность как функциональную категорию в рамках макрокатегории эпистемичности, Г. Хасслер в своем исследовании на материале романских языков указывает на более широкий объем концептуального поля эвиденциальности, значения которой простираются от фиксирования источника знания или свидетельства, на основании которых говорящий считает себя вправе делать фактические утверждения, до отражения эпистемического обоснования и отношения говорящего к достоверности сообщаемой информации, а также потенциальной приемлемости информации для слушающего, обусловленной степенью надежности источника и способом доступа к информации [Hassler 2021: 1].

Необходимо заметить, что эвиденциальность все чаще рассматривается в рамках более широкой сопряженности, помимо эпистемической модальности, с рядом других категорий, семантически ориентированных на знание. А. Айхенвальд включает в эту «сеть» («the web of knowledge») следующие взаимосвязанные категории: эвиденциальность (источник информации), эгофоричность (доступ к знанию), миративность (экспектация знания), эпистемическую модальность (отношение к знанию) [Aikhenvald 2024: 548]. Данный подход получает развитие в работах, раздвигающих или несколько смещающих рамки заданного взаимодействия. На материале различных языков исследуются многообразные и сложные связи эвиденциальности и модальности в широком смысле, выражающиеся в существовании различных «эвиденциальных стратегий» (термин Айхенвальд) использования модальных показателей и, наоборот, «модальных стратегий», т.е. использования эвиденциальных показателей в модальной функции [Кобрин 2005; Плунгян 2011: 372–377; Aikhenvald 2004; Aikhenvald 2024: 546; Boye 2012: 1–6; Cruschina, Remberger 2008; Dendale, Tasmowski 2001; Hassler 2015; Plungian 2001; Wiemer 2010]. Таким образом, эвиденциальное измерение не обязательно отменяет эпистемическую модальную квалификацию. Напротив, пересечение модальной и эвиденциальной семантики, объективно обнаруживающееся у ряда показателей, приводит исследователей к выводу о том, что «связь между эвиденциальностью и модальностью следует считать глубокой и неслучайной», хотя при оценивании семантики эвиденциальности во всем ее типологическом разнообразии «никак нельзя согласиться с тем, что эвиденциальность является подклассом модальных значений, т.е. входит целиком в семантическую зону модальности» [Плунгян 2011: 373–375]. В связи с этим В. А. Плунгян предлагает проводить типологическое различие между языками, в которых показатели эвиденциальности также маркируют эпистемическую модальность, и языками, в которых эвиденциальность выражает исключительно источник информации для ассерции [Plungian 2001: 354].

Совершенно очевидно, что вопрос разграничения эпистемической модальности и эвиденциальности возникает вследствие близости их содержания и включенности обоих значений в разных конфигурациях в семантику языковых единиц. Представляется, что разрешению данного спора может способствовать функционально-семантический анализ единиц из языкового репертуара (в том числе лек-

сических форм) означенных категорий, который позволит выявить их области сопряжения и даст ответ на вопрос о характере подобного взаимодействия. В данной работе предлагаем обратиться к лексеме *hearsay* как к одному из ключевых и прототипических маркеров эвиденциальности, семантика которого находится в плоскости понятий *testimonial knowledge* (*testimonially based knowledge*), *second-hand knowledge* (см.: [Dewhurst 2014; Gelfert 2014: 145–162; Goldberg 2005]) и в наибольшей степени отражает понятие знания «из вторых рук». В отечественной фило-софской практике данный объект (*knowledge by hearsay*) именуется как знание «по-наслышке», знание-сообщение, опосредованное знание, коммуникативное знание (напр.: [Касавин 2013: 8–9]). Ряд лингвистов даже отмечают гомогенность передачи эвиденциального и эпистемического значений в данном маркере [Tosun, Vaid 2018: 128]. Таким образом, можно без преувеличения сказать, что маркер *hearsay* является одной из показательных манифестаций скрещения категорий эвиденциальности и эпистемической модальности. Соответственно, есть все основания полагать, что его рассмотрение на предмет разграничения эпистемической модальности и эвиденциальности сможет поставить новые акценты в жаркой дискуссии о характере их взаимодействия или возможной интеграции.

Таким образом, актуальность настоящей статьи определяется двумя факторами. Во-первых, обращенностью к изучению специфики взаимодействия дискутируемых по сей день категорий эвиденциальности и эпистемической модальности и их интеграции на уровне семантики лексических единиц, выступающих в качестве их языковых маркеров, что позволит установить причины расширения эвиденциальных значений и их связь с эпистемичностью. Во-вторых, востребованностью исследований в рамках концепции неопределенного знания (в том числе знания «из вторых рук»), которые тесно связаны с разработкой логико-эпистемических оснований сообщений, норм ассерции, стандартов верификации и критериев истинности информации.

Методология

Цель исследования — выявить особенности взаимодействия эпистемической модальности и эвиденциальности посредством анализа лексикографического значения слова *hearsay*, оцениваемого как один из прототипических маркеров эвиденциальности. Данная цель предполагает поиск ответов на несколько исследовательских вопросов. Какова семантическая структура рассматриваемой лексической единицы? Как полученные данные соотносятся с категорией эвиденциальности? В какой степени задействован фактор эпистемической модальности в семантической структуре исследуемого слова? И, наконец, как в ее лексикографическом описании соотносятся эпистемические и эвиденциальные значения?

Материалом исследования послужили дефиниции слова *hearsay* в 20 авторитетных лексикографических источниках — толковых словарях традиционного типа [AHD; CALD; CED; Cobuild; Collins; EW; Hornby 1983; KEMD; KWCD; LDCE 2000; LDCE online; LDELС 1999; Macmillan; Merriam-Webster; Oxford; RHUD; WD; Webster; WND; Yourdictionary]. Для получения максимально исчерпывающих результатов используется алгоритм, преследующий поэтапное решение всех задач и предопределяющий структуру работы. Вначале с опорой на дефиниции прово-

дится анализ семантической структуры лексемы *hearsay*. Далее на основе полного компонентного анализа отдельных семем и выявления их иерархии в рамках семантемы устанавливается обобщенное лексикографическое значение. Наконец, на базе сформированных семных дефиниций предлагается интерпретация полученных результатов в плане выражения и взаимодействия эвиденциальных и эпистемических значений и делаются выводы.

Принятый алгоритм предопределяет процедуру исследования на уровне семантической организации изучаемой лексемы в русле семасиологического и ономазиологического подходов, что обуславливает использование комплекса методов и методик. Основным методом избран компонентный анализ, который, согласно «принципу дополнительности семантических описаний» [Стернин, Рудакова 2017: 5], сочетается с рядом других инструментов, непосредственно связанных с логико-семантическим описанием, куда входят метод цепочки словарных дефиниций, анализ словарных дефиниций [Караулов 1980; Селиверстова 1975; Уфимцева 1984], методы словарной идентификации [Балли 1961], ступенчатой идентификации [Кузнецова 1973], обобщения словарных дефиниций [Стернин, Рудакова 2017]. Комплементарно используется контекстуальный анализ приведенных в словарях примеров, поскольку изучение языка и речевых структур невозможно вне связи с контекстом их употребления [Иванова 2023: 9; Молодыхенко, Чернявская 2022: 107–109; Нефёдов, Чернявская 2020: 83].

Основной метод заключается в изучении дефиниций исследуемых лексем, выделении компонентов этих дефиниций и представлении их как отдельных дифференциальных признаков значения слова, что обуславливает интеграцию компонентного анализа с анализом словарных дефиниций. Метод словарной идентификации с элементами ступенчатой идентификации привлекается при необходимости расшифровки сложного или малоизвестного понятия, встречающегося в дефиниции, а также в случаях семантизации посредством многозначных слов. Для получения непротиворечивых результатов в плане более точного установления семного состава той или иной семемы они дополнительно дефинируются по тому же лексикографическому источнику. Причем число повторных обращений к словарям, т. е. глубина дефиниции (термин О. Н. Селиверстовой), обычно равняется 2 или 3. Если при ступенчатой идентификации элементов дефиниции обнаруживаются семантические компоненты, «упакованные» как скрытые семы в составе того или иного его значения, при необходимости формулируется новый, более развернутый и точный, вариант семной дефиниции, поскольку значение, входящее в другое значение как его составная часть, входит в это значение «со всем его содержанием» [Кузнецова 1989: 23].

Использование метода обобщения словарных дефиниций основывается на понимании того, что ни один из видов лексических словарей не может содержать полное и всестороннее описание семантики слова (хотя, по оценкам специалистов, тенденция к созданию работ такого рода прослеживается в лексикографии довольно четко). Поскольку «каждая из дефиниций разных словарей отражает некоторые существенные признаки значения» [Стернин 2012: 16], этот метод позволяет создать на основе совокупности дефиниций, представленных в максимально большом количестве толковых словарей, обобщающую дефиницию исследуемого слова. Она предстает как «единая связная дефиниция значения» «в виде расширенного набора

сем с учетом всех семантических компонентов и лексикографических помет, выделенных несовпадающими дефинициями разных словарей» [Стернин, Рудакова 2017: 15]. Таким образом, обобщенная дефиниция отражает реальное значение слова в системе языка и представляет его более углубленное описание. Упорядочение семем (т.е. определение центрального и второстепенных значений) производится с помощью методики исчисления индекса яркости (значимости) семемы (далее — ИЯС), определяемого в виде пропорции количества одной семемы, указанной в проанализированных словарях, к общему числу последних. Ядро семантемы образует лексико-семантический вариант (далее — ЛСВ) с наибольшим индексом яркости, остальные зоны определяются по процентному отношению к ядру. Кроме того, уточняется индекс яркости той или иной семы в составе каждого ЛСВ, который исчисляется как количество актуализаций семы в толкованиях к общему числу анализируемых словарей (согласно [Стернин, Рудакова 2017]).

Предлагаемый методологический инструментарий позволяет работать в избранном предметном поле, которое можно определить как структурную организацию семантики исследуемой лексической единицы и ее связь с категориями эвиденциальности и эпистемической модальности.

Результаты и обсуждение

Компонентный анализ лексикографического значения слова *hearsay*

Семантическая структура слова *hearsay*, установленная на основе компонентного анализа и обобщения выявленных значений, свидетельствует о его полисемантической природе, осложненной существованием зоны варьирования в пределах ЛСВ4. Состав семантемы исследуемого слова может быть представлен обобщенными значениями в следующей иерархии (в порядке от центральной ЛСВ к второстепенным семемам).

1. Знание «понаслышке»; неподтвержденные сведения, полученные от других лиц:

[information 0,65] + [without official 0,05] + [confirmation 0,65] + [of uncertain origin 0,65] + [of questionable accuracy 0,65] + [received 0,65] + [from other people 0,65] + [orally 0,15] + [in informal way 0,65]*¹.

ИЯС — 0,7.

Rumour, myth and hearsay obscure the truth after months of bloodshed. I never trust anything that I learn by hearsay.

2. Косвенная информация; информация, полученная от другого лица:

[information 0,45] + [without confirmation 0,45] + [of questionable accuracy 0,45] + [received 0,45] + [by one person 0,15] + [from another person 0,45] + [orally 0,1] + [in informal way 0,45]*.

ИЯС — 0,45.

We can't make a decision based on hearsay and guesswork.

¹ Звездочкой выделены скрытые, имплицитные (недостаточно четко проявляемые в толковании) семы, которые устанавливаются на основе словарной идентификации отдельных элементов дефиниции и/или контекстуального анализа приведенных в словарях примеров.

3. Слух:

[information 0,45] + [of uncertain origin 0,45] + [without confirmation 0,45] + [of questionable accuracy 0,45] + [spread 0,4] + [by people 0,4] + [in chain order 0,1] + [widely 0,3] + [in informal way 0,45].

ИЯС — 0,45.

I don't believe it; it's only hearsay. Get to the bottom of a problem by going straight to the source — you've no time to sift through gossip and hearsay.

4. Сплетня:

а) Слушок, сплетня, неподтвержденное сообщение о других людях:

[statement 0,3] + [of questionable accuracy 0,3] + [without confirmation 0,3] + [of uncertain origin 0,3] + [spread 0, 25] + [by people 0, 25] + [in chain order 0,15] + [widely 0,2] + [orally 0,2] + [about other people 0,1] + [about private life of other people 0,15] + [about the behaviour of other people 0,05] + [in informal way 0,3].

ИЯС — 0,3.

They're supposedly getting married soon, but that's just hearsay. I'm told he didn't resign, he was fired — but it's only hearsay.

б) Сплетня, злословие, наговор, злонамеренное неподтвержденное сообщение о других людях:

[statement 0,15] + [of questionable accuracy 0,15] + [without confirmation 0,15] + [of uncertain origin 0,15] + [spread 0,15] + [by people 0,15] + [in chain order 0,1] + [widely 0,1] + [orally 0,15] + [about other people 0,05] + [about private life of other people 0,05] + [about the behaviour of other people 0,05] + [in informal way 0,15] + [with harmful intent 0,15].

ИЯС — 0,15.

I pay no attention to a malicious hearsay.

5. юр. Свидетельские показания с чужих слов; доказательства, основанные на слухах:

[information 0,1] + [oral 0,05] + [written 0,05] + [of questionable accuracy 0,1] + [without confirmation 0,1] + [received 0,1] + [by a person 0,1] + [from another person 0,1] + [from other people 0,05] + [submitted 0,1] + [to the court 0,1] + [to prove 0,1] + [the truth of a matter 0,1] + [without legal force 0,1] + (law 0,1).

ИЯС — 0,1.

I doubt we'll get a warrant on hearsay. It would permit hearsay evidence if deemed reliable.

В результате проведенного анализа *hearsay* предстает как лексема, реализующая пять семем. Полученная совокупность значений, составляющих семантическую микросистему семантемы слова *hearsay*, указывает на множественную денотацию.

Ядерное значение (ЛСВ1) интегрирует в своем составе совокупность сем, выражающих денотат, отражающий косвенный тип информации от «третьих лиц» с признаками неустановленного источника, неподтвержденности, сомнительной достоверности, неформальности. По сути, в данном значении актуализируется прежде всего способ получения информации, определяемый как «понаслышке», т. е. опосредованный характер доступа говорящего к источнику информации.

Первый семантический дериват (ЛСВ2) репрезентирует во многом фактическое тождество сем в сравнении с составом компонентов производящего значения (ЛСВ1). Любопытно, что принципиальное отличие ЛСВ2 от центрального значения, а также от других семем исследуемого полисеманта кроется в наличии/отсутствии двух сем. Для ЛСВ1, ЛСВ3, ЛСВ4 интегральной является сема «uncertain origin» 'неопределенный источник', которая становится ключевым дифференциальным компонентом при сопоставлении данных значений с ЛСВ2. Вкупе с другой дифференциальной семой — «from other people» 'от других лиц' — она указывает на основное отличие центрального словозначения от ЛСВ2, в структуре которого диагностическим признаком выступает сема «from another person» 'от другого лица'. Это означает, что ЛСВ2 содержит признаки косвенной информации, полученной от идентифицированного лица.

Семная структура значения второго семантического деривата (ЛСВ3) не представляет собой абсолютно новый набор сем, отличный от состава компонентов ЛСВ1, но демонстрирует ряд дифференцирующих признаков, придавая информации, получаемой «понаслышке», новые качественные характеристики. В структуре ЛСВ3 актуализируются дополнительные дифференциальные видовые семы: «spread» 'распространяемая', «by people» 'людьми', «widely» 'широко', «in chain order» 'по цепочке'. Наличие этих сем указывает на то, что косвенная информация приобретает свойства собственно слуха, представая как передающееся знание, знание, имеющее циркулирующий характер и широкую распространенность, т. е. обладающее качеством самовоспроизводства.

ЛСВ4, являясь второстепенным значением в рамках семантемы, мотивируется предшествующим ЛСВ3. ЛСВ3 и ЛСВ4 репрезентируют сужение значения «слух» как информации без какой-либо предметной отнесенности (что потенцирует возможность тематизации любых сфер жизни общества) до значения вербализованной информации в форме сообщений «слушок, сплетня». Главным различительным признаком является эпидигматическое варьирование гиперсем «информация» и «сообщение» соответственно, что фиксирует родовидовую корреляцию указанных значений. Кроме того, в качестве дифференциальных выступают гипосемы, ограничивающие тематическую рамку передаваемых сообщений: «about other people» 'о других людях', «about the behaviour of other people» 'о поведении других людей', «about private life of other people» 'о частной жизни других людей'. Наиболее яркой семой выступает последний компонент, который совместно с указанным рядом сем денотативно выделяет в качестве самостоятельного значение неподтвержденного сообщения, тематически редуцированного до событий приватной сферы жизни индивидов. Более того, ЛСВ4 демонстрирует способность к расширению, представляя собой группу, в рамках которой обнаруживается своя зона варьирования (подробнее об этом см.: [Хакимова, Иванова 2023: 41–43]). Данное макрозначение распадается на два семантических субварианта, отражающих класс сообщений, идентифицируемых как сплетни. Таким образом, выражаемые ими денотаты отождествляются с неподтвержденной вербализованной информацией сомнительной достоверности о других людях, передаваемой в коммуникативных ситуациях неформального общения. Семная структура значения семантического деривата (ЛСВ4б) репрезентирует во многом фактическое тождество с составом компонентов производящего значения (ЛСВ4а). Главным различительным призна-

ком является дополнительная прагматическая сема «harmful intent» ‘злонамеренность’. Депрекативное значение (ЛСВ4б), по сути, отражает преднамеренный характер сплетен в ситуациях злословия, высвечивая в качестве потенциальной сему «непреднамеренность» в составе ЛСВ4а.

ЛСВ5 выступает как периферийное значение, будучи производным от центральных, с четко выраженным коннотативным макрокомпонентом в варианте функционально-стилистического признака — «юридический». Денотатом данного значения выступает информация, основанная на чужой речи (т.е. полученная говорящим от другого или других лиц) и предоставляемая в суде в качестве свидетельства для подтверждения истинности заявленного.

Таким образом, выявленные и обобщенные центральные лексикографические значения (ЛСВ1 и ЛСВ2) исследуемого полисеманта *hearsay* соотносятся с денотатами, отождествляемыми с неподтвержденной информацией сомнительной достоверности, полученной в коммуникативных ситуациях неформального общения, соответственно, от множества других (третьих, неидентифицированных) лиц или другого (конкретного) лица. За семантическими дериватами (ЛСВ3 и ЛСВ4) стоят денотаты, отражающие информацию или сообщения с признаками неподтвержденности, сомнительной достоверности, неизвестного источника, цепочечной распространяемости, широкого охвата аудитории, всеобъемлющей тематической наполненности (от различных социальных проблем до событий частной жизни индивидов с элементами злословия соответственно). ЛСВ5, находясь на периферии семантического поля исследуемого слова, функционально и стилистически ограничен юридической сферой употребления.

Интерпретация результатов исследования с позиций категорий эвиденциальности и эпистемической модальности

Проведенный анализ указывает на связь семантики *hearsay* с языковыми категориями эвиденциальности и эпистемической модальности. Причем связи *hearsay* с обеими категориями проходят по разным, но пересекающимся плоскостям. Поскольку *hearsay* является одним из ключевых слов при обозначении чужой речи, семантически оно соотносится прежде всего с категорией эвиденциальности, а именно с полем пересказываемости. Следствием такого сцепления является возникновение двух тесно связанных проблемных зон. Сопоставление ЛСВ1 и ЛСВ2 обнажает первый блок проблем, сопряженный с определением внутренней таксономической структуры эвиденциальности, т.е. разделением эвиденциальных функций внутри самой категории. Второй круг вопросов относится к демаркации внешних границ эвиденциальности, в частности в отношении функционально и семантически связанной с ней категории эпистемической модальности. Связь семантики слова *hearsay* с категориями эвиденциальности и эпистемической модальности обнаруживается в инвариантных семах «сомнительная достоверность» и «неподтвержденность» в установленных значениях полисеманта. На это указывает и состав его антонимического ряда, члены которого считаются парадигматически связанными по значению словами: *evidence, reality, truth, proof, testimony, firsthand, fact, confirmed facts, formal announcement, direct, experience, official report / statement* [СТ].

Сема «сомнительная достоверность» соотносится с категорией эпистемической модальности, фиксирующей степень достоверности пропозиции, уверенности в ней, являясь, по определению Л. Андерсона, «разновидностью каузального источника»² («kind of causal source») [Anderson 1986: 311]. Семы «неподтвержденность» и «неопределенный источник» отождествляются, соответственно, с категорией эвиденциальности, традиционно соотносимой с источником информации. Устойчивая комбинация семантических признаков «неподтвержденность» и «сомнительная достоверность» в структуре значений исследуемого слова указывает на взаимообусловленность этих категорий.

Таким образом, *hearsay* потенциально может выступать маркером и той и другой категории, что наглядно демонстрирует их взаимопроникновение на уровне семантики слова. При этом возможные подходы к интерпретации полученных данных можно условно разделить на две группы. Первая зиждется на эвристических возможностях теории эвиденциальности в рамках грамматической семантики, вторая — на потенциале синтаксического анализа в русле генеративной грамматики и современной формальной (теоретико-модельной) семантики, разрабатываемой в философии языка и построенной на философской модальной логике.

На наш взгляд, для эвиденциальности, наряду с источником информации, особое значение имеет понятие свидетельства ('evidence'), т. е. то, чем человек располагает, как было отмечено еще Андерсоном, для выдвижения фактических утверждений о ситуации [Anderson 1986: 273]. Другими словами, свидетельство является причиной доверия к источнику информации, оно определяет точность убеждений говорящего, представляя собой базу, основание транслируемого знания. Не случайно, это слово обеспечило наиболее устоявшееся наименование самой категории, которая, соответственно, предполагает специальное языковое маркирование того, что говорящий, другое или третье лицо, было автором или свидетелем высказывания. Именно понятие свидетельства было положено Айхенвальд в основу более раннего понимания эвиденциальности (засвидетельствованности) [Aikhenvald 2003: 1].

В новейших работах в рамках продолжающихся дискуссий о категориальном статусе эвиденциальности авторы продолжают подчеркивать особую роль свидетельства как источника знания (см., напр.: [Mañoso-Pacheco et al. 2020: 69, 72]) или указывают его в качестве сущностного признака эвиденциальности, поставив его на один уровень с источником информации (в частности, [Seong 2016: 4]). Свидетельство, выражаемое тем или иным способом экспликации источника информации посредством специальных маркеров, может «включать любую информацию об источнике высказывания как со знаком (+) — наличие источника информации, так и со знаком (–) — отсутствие источника информации или его неясность, неизвестность» [Кобрин 2005: 87]. В свою очередь, тот или иной тип свидетельства, указывающий на наличие или отсутствие основания для высказывания, зависит от того, «как говорящий узнал о пропозиции, выраженной в высказывании» [Fox 2001: 167]. Речь идет о способе и характере получения информации, обозначаемых типом доступа говорящего к сообщаемой ситуации. Основными оппозициями выделены прямой / непрямой (косвенный) и личный (непосредственный) / неличный

² Здесь и далее перевод авторов настоящей статьи.

(опосредованный) типы доступа к информации, причем последняя оппозиция сопряжена с непрямым доступом к информации (подробнее см.: [Плунгян 2011: 357–365]). Таким образом, категория эвиденциальности выражает источник информации и способ/характер ее получения, отражающий тип свидетельства.

Данный подход приводит к трехсоставной классификации свидетельства, включающей три базовые группы, на основе которых строятся тернарные эвиденциальные системы, например прямая, инферентивная и медиативная группы в концепции В. А. Плунгяна («direct’, ‘reflected’, and ‘mediated’ evidence») [Plungian 2001: 349] или прямая, косвенная и инферентивная — Т. Уиллетта («direct, indirect and inferential evidentiality») [Willett 1988: 57]. Определяя в целом объем категориального поля эвиденциальности, Н. А. Козинцева представляет его как континуум, охватывающий случаи «очевидности, подтверждаемости, непересказывательности», а также «неочевидности, неконфирмативности, пересказывательности» [Козинцева 1994: 92–93].

Прямой тип эвиденциальности («direct, firsthand, witnessed») связан с прямым доступом к информации, под которым «имеется в виду любой способ получения информации, что предполагает непосредственное восприятие говорящим ситуации (прежде всего, зрительное, но не обязательно) и/или непосредственное участие говорящего в ситуации» [Плунгян 2011: 357]. И эпистемологи, и лингвисты полагают, что прямое свидетельство может рассматриваться в качестве наиболее достоверного вида знания [Gelfert 2013: 770–772; Sweetser 1984: 13]. В результате на первый план выходит оценка, уверенность говорящего, т. е. эпистемическое значение.

И, напротив, не прямой неличный доступ к информации («indirect’, ‘reported’, ‘non-attested type’) отождествляется со значениями, основанными на передаче чужих слов. Последние в классификации Уиллета разделяются на три подвида: показатели двух степеней цитации (другого конкретного лица или других неизвестных лиц) и показатели, предполагающие неспецифицированный источник информации (фольклорный текст), что соотносится со свидетельством «из вторых рук», «из третьих рук» и «фольклор» [Willett 1988: 57, 96]. Таким образом, в данной таксономии свидетельство получает дробную разработку, категоризируясь по степени удаленности от говорящего субъекта, что вновь выводит эвиденциальность в плоскость эпистемики³.

При последующей ревизии номенклатуры эвиденциальных значений Уиллетта для обозначения неличного доступа к информации Айхенвальд вводит понятие репортатива («reported evidential») и делит его на два уровня засвидетельствованности: *quotatives* (цитативы/квотативы, апеллирующие к высказыванию конкретного человека) и *hearsay* (высказывания, автор которых не уточняется, неизвестен или не важен, т. е. слухи, предания, общеизвестные мнения и т. п.) [Aikhenvald 2004: 63, 177].

В некоторых последующих типологиях авторы идут дальше, предлагая четко разграничивать степень надежности свидетельства в зависимости от эвиденциальных значений, прежде всего в рамках репортатива (напр.: [Boye 2012: 32]). Таким образом, репортативные эвиденциалы приобретают вторичные — модальные —

³ Заметим, в философской науке свидетельство рассматривается как базовая категория эпистемологии и широко обсуждается в рамках направления, называемого эпистемологией свидетельства (напр., в работе [Dewhurst 2009]).

значения (оттенок сомнения) и расширяются до передачи эпистемических значений. Такая демаркация предполагает, что удаленность источника информации от говорящего обуславливает ее меньшую достоверность. Согласно Плунгяну, «прагматические основания для такой близости вполне понятны: информация, полученная говорящим не в результате непосредственного синхронного наблюдения за ситуацией, оценивается им как менее достоверная» [Плунгян 2011: 360].

Константное сочетание во всех ЛСВ слова *hearsay* инвариантных ядерных признаков «неподтвержденность» и «сомнительная достоверность», обеспечивающих актуальные деривационные связи между значениями, подтверждает тот факт, что эти значения не являются чисто эвиденциальными, в них присутствует и модальный компонент. Таким образом, семантическая зона неличного доступа облигаторно сопрягается с эпистемической оценкой информации. Очевидно, что английский язык относится к эвиденциальным системам, в которых отсутствие личного доступа говорящего к информации, т. е. ситуация, не засвидетельствованная напрямую говорящим, коррелирует с ее сомнительностью и возможной недостоверностью.

В то же время звучат призывы подходить к использованию понятия «недостоверность» в данной ситуации более осторожно, поскольку такие «модальные стратегии» могут отсутствовать в эвиденциальных системах сложного типа. Вместо него Плунгян выдвигает термин «эпистемическая дистанция», объясняя его целесообразность тем, что «говорящий как бы снимает с себя ответственность за истинность сказанного, поскольку соответствующая информация не входит в его личную сферу и он не может, так сказать, выступить ее гарантом» [Плунгян 2011: 376–377].

Расхождения в лексикографических описаниях исследуемого слова, а также его неоднозначное использование свидетельствуют о размытости границ его семантики и различиях в ее понимании отдельных авторов. Пролить свет на эту проблему призван генеративный подход с применением в отношении понятий «источник свидетельства» и «позиция говорящего» (*speaker's stance*) синтаксических проекций, несущих прагматически релевантные черты. Речь идет о рассмотрении данных конструкций сквозь призму синергии речевых актов (*Speech Act Mood*), оценочного (*Evaluative Mood*), эвиденциального (*Evidential Mood*) и эпистемологического модусов (*Epistemological Mode*) [Cinque 1999: 77–87; Speas 2004: 258–260].

Прояснить природу эвиденциальных значений, стоящих за *hearsay*, призван и реализуемый рядом исследователей пропозициональный подход. То, что говорящий / автор сообщения может выражать личную оценку или интерпретацию события посредством указания на источник полученной им информации, означает, что категория эвиденциальности является отражением определенных отношений между говорящим субъектом и пропозицией высказывания. В таком ракурсе данная проблематика освещается в рамках формальной семантики, а именно семантического анализа пропозициональных установок — направления, получившего название теоретико-модельной семантики, в основе которой лежат ключевые идеи современной философской логики. Одной из ее признанных областей является т. н. семантика возможных миров, связанная с исследованием модальности. В отечественном языкознании данное направление представлено в работе А. В. Зеленщикова «Пропозиция и модальность», в которой автор предлагает лингвистическую модель категории модальности в русле концептуального подхода, построенную на

соотношении модусной и пропозициональной частей содержания предложения и интерпретации пропозиции как модуса языковой репрезентации пропозиционального концепта [Зеленщиков 2019: 136–181]. В зарубежной науке одним из классических вариантов изучения высказываний о пропозициональных установках признана «стандартная теория модальности», или «семантика упорядочивания», А. Кратцер [Kratzer 1991; Kratzer 2012]. На ее основе ведутся интенсивные исследования в области семантики модальностей естественного языка, которые включают и разработку семантики репортативной эвиденциальности. Рассуждения строятся на основе предложений с клаузальной эвиденциальностью, в которых говорящий / субъект пропозициональной установки сообщает или передает пропозицию, выраженную во вложенной клаузе, основывая свое сообщение на свидетельстве *hearsay*, т. е. предложения этого типа являются примерами репортативной эвиденциальности, которая служит для кодирования источника информации.

В ряде работ, посвященных анализу предложений с пропозициональными установками, предикатами пропозиционального отношения выступают эвиденциалы репортатива, влияющие на истинностное значение зависимого суждения. Установлено, что одно и то же английское предложение с эвиденциальной семантикой *hearsay* (в отличие от других языков) может быть интерпретировано по-разному: как утверждение ('assertion') и как предложение, предлагающее объяснение ситуации ('proffering') [von Stechow, Gillies 2007: 43–44; Rooryck 2001: 127–130; Simons 2007: 1040–1042]. Развивая данный подход, М.-Я. Сонг указывает, что основным различием между ассертивным и проферентным значениями зависимых суждений является то, что первое требует от говорящего убежденности в истинности пропозиции вложенной клаузы, в то время как во втором случае необходимость в убежденности отсутствует [Song 2014: 140, 160]. Таким образом, случаи высказываний с проферентным значением, в котором для говорящего истинность пропозиции вложенной клаузы весьма сомнительна, относятся к области эвиденциальности, а именно ее репортативному сегменту, сопряженному со свидетельством второго уровня. Последнее денотативно связано с ЛСВ2 слова *hearsay*, отождествляемым с косвенной информацией, полученной от другого конкретного лица, достоверность которой несколько сомнительна для говорящего субъекта, поскольку не квалифицируется им как достаточно подтвержденная. Тем самым можно констатировать, что семантика слова *hearsay* является прототипическим примером воплощения сцепления эпистемического и модального компонентов. Причем встроенные в ЛСВ1 и ЛСВ2 эвиденциальные компоненты, отражающие различную степень удаленности от источника информации («из вторых рук», «из третьих рук»), детерминируют градиентный характер эпистемического фактора (позиции говорящего в отношении оценки достоверности получаемых сведений).

С другой стороны, эпистемический компонент играет ключевую роль при варьировании эвиденциальных значений полисеманта *hearsay*, например в некоторых случаях предопределяет размытость границ между ЛСВ1 и ЛСВ2. Речь идет об эвиденциальных маркерах со значением *hearsay*, обладающих неопределенной эвиденциальной функцией. Тот факт, что ЛСВ1 и ЛСВ2 исследуемого слова могут быть актуализованы в речи в рамках одного и того же высказывания, в котором субъект модусной части высказывания может совпадать и не совпадать с источником информации, описывается в работах, посвященных средствам передачи репортатива,

который предлагается называть «хисей» (термин С. И. Буглака). В частности, в его работе приводится пример предложения с эвиденциальным наречием *allegedly*, характеризующим двойной эвиденциальной семантикой:

Allegedly she is ill again. <...> а) Она утверждает, будто бы она опять больна; б) Как говорят другие люди, она якобы опять больна. Источником информации здесь выступает какая-то неопределенная группа лиц или же сам субъект предложения. В том и другом случае передается информация слухов, в достоверности которых выражается сильное сомнение (выделено нами. — С. И., Г. Х.) [Буглак 2012: 82].

Таким образом, размытость значений эвиденциала обусловлена тем, что в рамках и квотативного (ЛСВ2), и собственно репортативного (ЛСВ1) значений ключевым аспектом выступает сомнение говорящего субъекта в достоверности передаваемой информации. Завершая рассуждения, заметим, что приведенные факты на примере слова *hearsay* свидетельствуют о взаимообусловленности категорий эвиденциальности и эпистемической модальности в том смысле, что в пределах его семантики эвиденциальный компонент значения смыкается с эпистемическим, демонстрируя сложный интерплей, репрезентирующий инкорпорированность обеих категорий.

Выводы

Аналитический вектор данной работы был задан исследованиями Нефёдова в области категории модальности в целом и эпистемической модальности в частности. Сложность последней заключается в ее многообразных связях с различными категориями, в том числе с категорией эвиденциальности, что проявляется на уровне маркеров обеих категорий. Одним из прототипических показателей эвиденциальности является лексическая единица *hearsay*, семантика которой характеризуется расширением эвиденциальных значений до эпистемических. Рассмотрение лексической семантики *hearsay* на уровне лексикографического значения для уточнения характера взаимодействия категорий эпистемической модальности и эвиденциальности показало, что в структуре данной семантемы с пятью выявленными ЛСВ выражаемые ими денотаты так или иначе отождествляются с неподтвержденной информацией сомнительной достоверности, полученной от другого лица или лиц в коммуникативных ситуациях неформального общения.

Все значения слова *hearsay* денотативно связаны с чужой речью и отражают косвенный тип информации, что указывает на явную сопряженность семантики исследуемого слова с категорией эвиденциальности, с тем фрагментом ее семантической зоны, который связан с неличным доступом говорящего к ситуации, т. е. ее репортативным сегментом. Главным различительным признаком между центральными значениями (ЛСВ1 и ЛСВ2) является эпидигматическое варьирование гипосем: «from other people» 'от других лиц' и «from another person» 'от другого лица' соответственно. Это указывает на то, что описываемая ситуация не засвидетельствована напрямую говорящим, т. е. субъект речи не обладает прямым свидетельством, свидетельством «из первых рук» («non-firsthand evidence»). Разделяющим эти значения фактором становится выражение той или иной степени удаленности говорящего от источника информации, что обуславливает целесообразность многоуровневой классификации свидетельства. Дифференциальные признаки

ЛСВ1 и ЛСВ2 отражают два уровня непрямого неличного доступа к ситуации, что соотносится с репортивным сегментом эвиденциальности. В первом случае источник информации представляет собой неопределенное, неспецифицированное лицо, коррелирующее с третьим уровнем свидетельства, идентифицируемого с собственно репортивом, а второе значение соотносится с информацией, полученной от специфицированного источника, соответствующего второму уровню свидетельства в варианте квотатива.

Категория эпистемической модальности, выражающая субъективную оценку говорящего к истинности пропозиции, проявляется наличием в семантике исследуемого слова инвариантной семы «сомнительная достоверность». Поскольку степень надежности информации варьируется в зависимости от уровня свидетельства, с очевидностью косвенный характер свидетельства влияет на квалификацию полученной информации с позиции говорящего как возможной, но сомнительной и требующей подтверждения или недостоверной. ЛСВ2, выражающий свидетельство «из вторых рук», когда источником информации является другое, известное говорящему лицо, имевшее прямой доступ к ситуации, отражает такое значение эвиденциальной семантики, в рамках которого для говорящего истинность сведений в определенной степени сомнительна, поскольку не квалифицируется им как достаточно подтвержденная, а источник как вполне надежный.

Включенность эпистемического аспекта в эвиденциальные значения *hearsay* свидетельствует об их тесном переплетении, что приводит зачастую к невозможности отделить эвиденциальность от эпистемической модальности. Их сращение в недрах семантики исследуемого слова приводит к их слиянию и гомогенизации. Сложная семантика исследуемого слова является следствием неоднозначного и несимметричного характера взаимодействия эвиденциальности и эпистемики, которое можно охарактеризовать как интерплей на глубинном уровне в рамках отдельных ЛСВ и — шире — как инферентное знание, порождающее разную степень эпистемичности на уровне всей семантемы.

Подводя итог настоящего исследования, можно определить его научную новизну, которая заключается в апробации комплексной методики дефиниционного анализа на примере исчисления обобщенного лексикографического значения слова *hearsay*, разработке технологии интерпретации лексического значения слова с позиций категорий эвиденциальности и эпистемической модальности в рамках последних достижений логической семантики и философии языка, уточнении понятий эвиденциальности и эпистемической модальности на основе полученных данных при изучении семантической структуры прототипического маркера эвиденциальности *hearsay*, введении понятия «интерплей» для обозначения сложного, несимметричного характера взаимодействия категорий эвиденциальности и эпистемической модальности в рамках семантики изучаемой лексической единицы, обосновании градиентного характера эпистемичности значений, выявленных в ходе анализа семантики лексической единицы *hearsay* на основе разработки дробной модели свидетельства как несколькоуровневого источника информации в рамках репортивного сегмента эвиденциальности. Представляется, что исследования специфики взаимодействия эвиденциальности и эпистемической модальности можно продолжить, расширив круг привлекаемых для анализа методологических инструментов и маркеров обеих категорий.

Словари и справочники

- AHD — *The American Heritage Dictionary of the English Language*. <https://ahdictionary.com> (дата обращения: 10.05.2021).
- CALD — *Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus*. <https://www.dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.05.2021).
- CED — *Cambridge Essential Dictionary*. <https://www.dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.05.2021).
- Cobuild — *Cobuild Advanced English Dictionary*. <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 15.04.2021).
- Collins — *Collins English Dictionary*. <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 15.04.2021).
- CT — *Classic Thesaurus*. <https://www.classicthesaurus.com> (дата обращения: 05.05.2021).
- EW — *English Wiktionary*. <https://en.wiktionary.org> (дата обращения: 01.04.2021).
- Hornby 1983 — Hornby A. S. *Oxford Student's Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press, 1983.
- KEMD — *Kernerman English Multilingual Dictionary*. <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 25.03.2021).
- KWCD — *Random House Kernerman Webster's College Dictionary*. <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 25.03.2021).
- LDCE 2000 — *Longman Dictionary of Contemporary English*. London: Pearson Education Limited. 2000.
- LDCE online — *Longman Dictionary of Contemporary English*. <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 02.02.2021).
- LDELС 1999 — *Longman Dictionary of English Language and Culture*. London: Longman, 1999.
- Macmillan — *Macmillan Dictionary*. <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 30.01.2021).
- Merriam-Webster — *Merriam-Webster's Learner's Dictionary*. <https://www.learnersdictionary.com> (дата обращения: 15.02.2021).
- Oxford — *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 12.03.2021).
- RHUD — *The Random House Unabridged Dictionary*. <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 17.04.2021).
- WD — *The New International Webster's Comprehensive Dictionary of the English Language*. Aachen: Druck und Bindung, 2003.
- Webster — *Webster's New World College Dictionary*. <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 20.04.2021).
- WND — *WordNet Dictionary*. <http://www.wordnet-online.com> (дата обращения: 18.02.2021).
- Yourdictionary — *Yourdictionary*. <https://www.yourdictionary.one> (дата обращения: 24.02.2021).

Литература

- Балли 1961 — Балли Ш. *Французская стилистика* [1951]. Долинин К. А. (пер. с фр.). М.: Изд-во иностр. лит., 1961.
- Буглак 2012 — Буглак С. И. Субъектный предикатив и эвиденциальные наречия английского языка как средство передачи информации hearsay. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Филология*. 2012, (1): 77–83.
- Зеленщиков 2019 — Зеленщиков А. В. *Пропозиция и модальность*. 3-е изд. М.: URSS, 2019.
- Иванова 2023 — Иванова С. В. Вербализация бытийности и акциональности: мир как путь и как действие в нарративе американского кантри. *Terra Linguistica*. 2023, 14 (2): 7–14.
- Караулов 1980 — Караулов Ю. Н. *Частотный словарь семантических множителей русского языка*. М.: Наука, 1980.
- Касавин 2013 — Касавин И. Т. Источники знания: проблема «testimonial knowledge». *Эпистемология и философия науки*. 2013, 35 (1): 5–15.
- Кобрин 2005 — Кобрин О. А. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2005, (1): 86–98.

- Козинцева 1994 — Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа). *Вопросы языкознания*. 1994, (3): 92–104.
- Козловский 2023 — Козловский Д. В. Реализация категории «эвиденциальность» в дискурсивном пространстве массмедиа: лингвосинергетический аспект. Саратов: Амирит, 2023.
- Кузнецова 1973 — Кузнецова Э. В. Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов. В сб.: *Вопросы металингвистики*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. С. 84–95.
- Кузнецова 1989 — Кузнецова Э. В. *Лексикология русского языка*. М.: Высшая школа, 1989.
- Молодыхченко, Чернявская 2022 — Молодыхченко Е. Н., Чернявская В. Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социалингвистики и дискурсивного анализа. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19 (1): 103–124.
- Нефёдов 2007 — Нефёдов С. Т. *Коммуникативная модальность и эпистемические модальные компоненты в немецком языке (синхрония и диахрония)*. Филиппов К. А. (ред.). СПб.: Изд-во С.-Петербурга ун-та, 2007.
- Нефёдов 2017 — Нефёдов С. Т. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2017, 14 (4): 599–610.
- Нефёдов, Чернявская 2020 — Нефёдов С. Т., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020, (63): 83–97.
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. Ун-та, 2011.
- Селиверстова 1975 — Селиверстова О. Н. *Компонентный анализ многозначных слов: на материале некоторых русских глаголов*. М.: Наука, 1975.
- Стернин 2012 — Стернин И. А. Проблема неединственности метаязыкового описания языковых единиц в лингвистике. В сб.: *Психолингвистика и лингвоконцептология*. Стернин И. А. (ред.). Воронеж: Истоки, 2012. С. 8–17.
- Стернин, Рудакова 2017 — Стернин И. А., Рудакова А. В. *Словарные дефиниции и семантический анализ*. Воронеж: Истоки, 2017.
- Уфимцева 1984 — Уфимцева А. А. К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения слова. В сб.: *Слово в грамматике и словаре*. Ярцева В. Н. (ред.). М.: Наука, 1984. С. 131–141.
- Хакимова, Иванова 2023 — Хакимова Г. Ш., Иванова С. В. Специфика лексикографического значения полисеманта *gossip*. *Вестник Воронежского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2023, (4): 36–47.
- Храковский 2005 — Храковский В. С. О соотношении эвиденциальности и эпистемической модальности. В сб.: *Материалы II конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей*. СПб., 2005. С. 162–183.
- Aikhenvald 2003 — Aikhenvald A. Y. Evidentiality in a Typological Perspective. In: *Studies in Evidentiality*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 1–31.
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press. 2004.
- Aikhenvald 2024 — Aikhenvald A. Y. Speaking about knowledge: Evidentiality and the ecology of language. *Studies in Language*. 2024, 48 (3): 543–574.
- Anderson 1986 — Anderson L. B. Evidentials, paths of Change, and mental maps: Typologically regular asymmetries. In: *Evidentiality: The linguistic encoding of epistemology*. Chafe W., Nichols J. (eds). Norwood: Ablex Publishing Corporation, 2004. P. 273–312.
- Bednarek 2006 — Bednarek M. Epistemological Positioning and Evidentiality in English News Discourse: A Text-Driven Approach. *Text & Talk*. 2006, 26 (6): 635–660.
- Boye 2012 — Boye K. *Epistemic meaning: A crosslinguistic and functional-cognitive study*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2012.
- Ceong 2016 — Ceong H. H. Korean Hearsay Constructions and Speech Act Phrases. In: *Proceedings of the annual conference of the Canadian Linguistic Association*. 2016. P. 1–15.
- Chafe 1986 — Chafe W. Evidentiality in English conversation and academic writing. In: *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology*. Chafe W., Nichols J. (eds). Norwood: Ablex Publishing Corporation, 1986. P. 261–272.

- Cinque 1999 — Cinque G. *Adverbs and functional heads: A cross-linguistic perspective*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Cornillie 2009 — Cornillie B. Evidentiality and epistemic modality: On the close relationship between two different categories. *Functions of Language*. 2009, 16 (1): 44–62.
- Cruschina, Remberger 2008 — Cruschina S., Remberger E.-M. Hearsay and reported speech: evidentiality in Romance. *Rivista di Grammatica Generativa*. 2008, (33): 95–116.
- Dendale, Tasmowski 2001 — Dendale P., Tasmowski L. Introduction: Evidentiality and related notions. *Journal of Pragmatics*. 2001, (33): 339–348.
- Dewhurst 2009 — Dewhurst T. The epistemology of testimony: fulfilling the sincerity condition. *South African Journal of Philosophy*. 2009, 28 (2): 93–101.
- Dewhurst 2014 — Dewhurst T. *Knowledge through Communication: A response to the question of how testimony-based knowledge is possible*. Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy. Cape Town, 2014.
- Fintel, Gillies 2007 — Fintel K. von, Gillies A.S. An Opinionated Guide to Epistemic Modality. *Oxford Studies in Epistemology*. Gendler T., Hawthorne J. (eds). 2007, (2): 32–62.
- Floyd 1999 — Floyd R. *The Structure of Evidential Categories in Wanka Quechua*. Dallas: Summer Institute of Linguistics and the University of Texas at Arlington, 1999.
- Fox 2001 — Fox B. Evidentiality: Authority, responsibility, and entitlement in English conversation. *Journal of Linguistic Anthropology*. 2001, 11 (2): 167–192.
- Gelfert 2013 — Gelfert A. Coverage-Reliability, Epistemic Dependence, and the Problem of Rumour-Based Belief. *Philosophia*. 2013, 41 (3): 763–786.
- Gelfert 2014 — Gelfert A. *Critical Introduction to Testimony*. London: Bloomsbury Academic, 2014.
- Goldberg 2005 — Goldberg S. C. Testimonial Knowledge through Unsafe Testimony. *Analysis*. 2005, 65 (4): 302–311.
- Hassler 2015 — Hassler G. Evidentiality and the expression of speaker's stance in Romance languages and German. *Discourse Studies*. 2015, 17 (2): 182–209.
- Hassler 2021 — Hassler G. Evidentiality in Romance Languages. Explanatory Potential of a Concept and Its Applications in Pragmatics. *Cadernos de Linguística*. 2021, 2 (1): 1–32.
- Kratzer 1991 — Kratzer A. Modality. In: *Semantik/Semantics: Ein international Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Stechow A. von, Wunderlich D. (hrsg.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. S. 639–650.
- Kratzer 2012 — Kratzer A. *Modals and Conditionals: New and Revised Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Mañoso-Pacheco et al. 2020 — Mañoso-Pacheco L., Sánchez-Cabrero R., Arigita-García A., Pericacho-Gómez F.J. Evidentiality in the Discourse. Setting Boundaries. *Enero — Junio*. 2020, 13 (26): 58–77.
- Nuyts 2006 — Nuyts J. Modality: Overview and linguistic issues. In: *The expression of modality*. Frawley W. (ed.). Berlin: Mouton De Gruyter, 2006. P. 1–26.
- Palmer 2001 — Palmer F.R. *Mood and Modality*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Plungian 2001 — Plungian V. The place of evidentiality within the universal grammatical space. *Journal of Pragmatics*. 2001, (33): 349–357.
- Rooryck 2001 — Rooryck J. Evidentiality. Part I. *Glott International*. 2001, 5 (4): 125–133.
- Simons 2007 — Simons M. Observations on embedding verbs, evidentiality, and presupposition. *Lingua*. 2007, 117 (6): 1034–1056.
- Song 2014 — Song M.-Y. The Semantics of hearsay evidentials in propositional attitude constructions. *Studies in Modern Grammar*. 2014, (81): 139–164.
- Speas 2004 — Speas M. Evidentiality, logophoricity and the syntactic representation of pragmatic features. *Lingua*. 2004, (114): 255–276.
- Sweetser 1984 — Sweetser E.E. *Semantic Structure and Semantic Change: English Perception-Verbs in an Indo-European Context*. Trier: L. A. U. T., 1984.
- Tosun, Vaid 2018 — Tosun S., Vaid J. Activation of Source and Stance in Interpreting Evidential and Modal Expressions in Turkish and English. *Dialogue & Discourse*. 2018, 9 (1): 128–162.
- Wiemer 2010 — Wiemer B. Hearsay in European Languages toward an integrative account of grammatical and lexical marking. In: *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. Diewald G., Smirnova E. (eds). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2010. P. 59–129.

Willett 1988 — Willett T. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticalization of Evidentiality. *Studies in Language*. 1988, 12 (1): 51–97.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2024 г.
Статья рекомендована к печати 24 июня 2024 г.

Svetlana V. Ivanova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0127-9934>
svet_victoria@mail.ru

Gulnara Sh. Khakimova

South Ural State University — Branch in Zlatoust,
16, ul. Turgeneva, Zlatoust, 456209, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3287-6966>
khakimovags@susu.ru

Evidentiality and epistemic modality: Overlap view within word semantics

For citation: Ivanova S. V., Khakimova G. Sh. Evidentiality and epistemic modality: Overlap view within word semantics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (4): 802–824. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.403> (In Russian)

The starting point for this paper was the profound works by S. T. Nefedov who analyzed a wide range of problems in the field of modality. The article studies the specificity of the relationship between the two categories of epistemic modality and evidentiality. The former is used by the speaker to provide a source or evidence for the speaker's claim, the latter performatively expresses the subjective opinion about the truth of a proposition. Despite the independent status recognized for evidentiality and epistemic modality, they are realized within the same proposition. The study of their relation is approached in this paper through the prototypical evidential marker *hearsay*. The choice of the marker is caused by its complex semantics combining epistemic and evidential components that allows to clarify the nature of the relations between the categories under study. The semasiological and onomasiological approaches to achieve the goal are realized by means of componential analysis supplemented with a number of techniques of the logical-semantic conception, as well as the contextual method. The analysis and generalization of the lexicographic meaning of the word *hearsay* revealed five lexico-semantic variants within the semanteme. At the level of the semantics of the evidential, the epistemic meaning is incorporated into the componential composition of all the sememes. The paper introduces the term “interplay” to denote the ambiguous and asymmetric nature of the evidentiality and epistemic modality integration. In addition, their interplay turns out to be inferent. This is expressed in the difference in distance from the source of acquired knowledge (second/third-hand evidence attributed to the quotative and the reportative respectively) conveyed in the semanteme that implies a different degree of epistemicity manifesting gradient properties. Thus, an appeal to the notion of evidence and a level approach to its classification contributes to a deeper understanding of the reasons for the expansion of evidential meanings and the nature of their overlap with epistemic ones.

Keywords: epistemic modality, evidentiality, evidential marker, hearsay, interplay.

References

Балли 1961 — Bally Ch. *Traité de stylistique française*. Dolinin K. A. (transl. from French). Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1961. (In Russian)

- Буглак 2012 — Buglak S. I. Subject predicative and English evidential adverbs as a means of conveying hearsay information. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Filologiya*. 2012, (1): 77–83. (In Russian)
- Зеленщиков 2019 — Zelenshchikov A. V. *Proposition and modality*. Moscow: URSS Publ., 2019. (In Russian)
- Иванова 2023 — Ivanova S. V. Verbalization of existence and actionality: The world as a way and as an action in the narrative of American country music. *Terra Linguistica*. 2023, 14 (2): 7–14.
- Караулов 1980 — Karaulov Iu. N. *Frequency dictionary of semes of the Russian language*. Moscow: Nauka Publ., 1980. (In Russian)
- Касавин 2013 — Kasavin I. T. Sources of knowledge: The problem of testimonial knowledge. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2013, 35 (1): 5–15. (In Russian)
- Кобрин 2005 — Kobrina O. A. The category of evidentiality: Its status and forms of expression in different languages. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2005, (1): 86–98. (In Russian)
- Козинцева 1994 — Kozintseva N. A. The category of evidentiality (problems of typological analysis). *Voprosy lazykoznaniia*. 1994, (3): 92–104. (In Russian)
- Козловский 2023 — Kozlovskii D. V. *The realization of the evidentiality category in the discursive space of mass media: The linguosynergetic aspect*. Saratov: Amirit Publ., 2023. (In Russian)
- Кузнецова 1973 — Kuznetsova E. V. Step-by-step identification as a method of describing semantic relations of words. In: *Voprosy metalingvistiki*. Leningrad: Leningrad University Press, 1973. P. 84–95. (In Russian)
- Кузнецова 1989 — Kuznetsova E. V. *Lexicology of the Russian language*. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1989. (In Russian)
- Молодыхенко, Чернявская 2022 — Molodychenko E. N., Cherniavskaia V. E. Representing the Social through Language: Theory and Practice of Sociolinguistics and Discourse Analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022, 19 (1): 103–124. (In Russian)
- Нефёдов 2007 — Nefedov S. T. *Communicative modality and epistemic modal components in German (synchronicity and diachrony)*. Filippov K. A. (ed.). St Petersburg: St. Petersburg University Press, 2007. (In Russian)
- Нефёдов 2017 — Nefedov S. T. Restrictive Argumentation: Modal Words of Doubt and Shared Knowledge in Academic Linguistic Writings. *of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2017, 14 (4): 599–610. (In Russian)
- Нефёдов, Чернявская 2020 — Nefedov S. T., Cherniavskaia V. E. Context in Linguistics: Pragmatic and Discourse Analytical Dimensions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2020, (63): 83–97. (In Russian)
- Плунгян 2011 — Plungian V. A. *Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of world's languages*. Moscow: Izdatelstvo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta Publ., 2011. (In Russian)
- Селиверстова 1975 — Seliverstova O. N. *Componential analysis of polysemantic words: A case study of some Russian verbs*. Moscow: Nauka Publ., 1975. (In Russian)
- Стернин 2012 — Sternin I. A. The problem of non-uniqueness of the meta-linguistic description of linguistic units in linguistics. In: *Psikholingvistika i lingvokontseptologiya*. Sternin I. A. (ed.). Voronezh: Istoki Publ., 2012. P. 8–17. (In Russian)
- Стернин, Рудакова 2017 — Sternin I. A., Rudakova A. V. *Dictionary definitions and semantic analysis*. Voronezh: Istoki Publ., 2017. (In Russian)
- Уфимцева 1984 — Ufimtseva A. A. On the question of the so-called definitional analysis of the lexical meaning of a word. In: *Slovo v grammatike i slovare*. Iartseva V. N. (ed.). Moscow: Nauka Publ., 1984. P. 131–141. (In Russian)
- Хакимова, Иванова 2023 — Khakimova G. Sh., Ivanova S. V. Polysemantic features of the word *gossip* in lexicographical description. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*. 2023, (4): 36–47. (In Russian)
- Храковский 2005 — Khrakovskii V. S. On the relation between evidentiality and epistemic modality. In: *Materialy II konferentsii po tipologii i grammatike dlia molodykh issledovatelei*. St Petersburg, 2005. P. 162–183. (In Russian)

- Aikhenvald 2003 — Aikhenvald A. Y. Evidentiality in a Typological Perspective. In: *Studies in Evidentiality*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 1–31.
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Aikhenvald 2024 — Aikhenvald A. Y. Speaking about knowledge: Evidentiality and the ecology of language. *Studies in Language*. 2024, 48 (3): 543–574.
- Anderson 1986 — Anderson L. B. Evidentials, cathos of Change, and mental maps: typologically regular asymmetries. In: *Evidentiality: The linguistic encoding of epistemology*. Chafe W., Nichols J. (eds). Norwood: Ablex Publishing Corporation, 2004. P. 273–312.
- Bednarek 2006 — Bednarek M. Epistemological Positioning and Evidentiality in English News Discourse: A Text-Driven Approach. *Text & Talk*. 2006, 26 (6): 635–660.
- Boye 2012 — Boye K. *Epistemic meaning: A crosslinguistic and functional-cognitive study*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2012.
- Ceong 2016 — Ceong H. H. Korean Hearsay Constructions and Speech Act Phrases. In: *Proceedings of the annual conference of the Canadian Linguistic Association*. 2016. P. 1–15.
- Chafe 1986 — Chafe W. Evidentiality in English conversation and academic writing. In: *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology*. Chafe W., Nichols J. (eds). Norwood: Ablex Publishing Corporation, 1986. P. 261–272.
- Cinque 1999 — Cinque G. *Adverbs and functional heads: A cross-linguistic perspective*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Cornillie 2009 — Cornillie B. Evidentiality and epistemic modality: On the close relationship between two different categories. *Functions of Language*. 2009, 16 (1): 44–62.
- Cruschina, Remberger 2008 — Cruschina S., Remberger E.-M. Hearsay and reported speech: evidentiality in Romance. *Rivista di Grammatica Generativa*. 2008, (33): 95–116.
- Dendale, Tasmowski 2001 — Dendale P., Tasmowski L. Introduction: Evidentiality and related notions. *Journal of Pragmatics*. 2001, (33): 339–348.
- Dewhurst 2009 — Dewhurst T. The epistemology of testimony: Fulfilling the sincerity condition. *South African Journal of Philosophy*. 2009, 28 (2): 93–101.
- Dewhurst 2014 — Dewhurst T. *Knowledge through Communication: A response to the question of how testimony-based knowledge is possible*. Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy. Cape Town, 2014.
- Fintel, Gillies 2007 — Fintel K. von, Gillies A. S. An Opinionated Guide to Epistemic Modality. *Oxford Studies in Epistemology*. Gendler T., Hawthorne J. (eds). 2007, (2): 32–62.
- Floyd 1999 — Floyd R. *The Structure of Evidential Categories in Wanka Quechua*. Dallas: Summer Institute of Linguistics and the University of Texas at Arlington, 1999.
- Fox 2001 — Fox B. Evidentiality: Authority, responsibility, and entitlement in English conversation. *Journal of Linguistic Anthropology*. 2001, 11 (2): 167–192.
- Gelfert 2013 — Gelfert A. Coverage-Reliability, Epistemic Dependence, and the Problem of Rumour-Based Belief. *Philosophia*. 2013, 41 (3): 763–786.
- Gelfert 2014 — Gelfert A. *Critical Introduction to Testimony*. London: Bloomsbury Academic, 2014.
- Goldberg 2005 — Goldberg S. C. Testimonial Knowledge through Unsafe Testimony. *Analysis*. 2005, 65 (4): 302–311.
- Hassler 2015 — Hassler G. Evidentiality and the expression of speaker's stance in Romance languages and German. *Discourse Studies*. 2015, 17 (2): 182–209.
- Hassler 2021 — Hassler G. Evidentiality in Romance Languages. Explanatory Potential of a Concept and Its Applications in Pragmatics. *Cadernos de Linguística*. 2021, 2 (1): 1–32.
- Kratzer 1991 — Kratzer A. Modality. In: *Semantik/Semantics: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Stechow A. von, Wunderlich D. (hrsg.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. S. 639–650.
- Kratzer 2012 — Kratzer A. *Modals and Conditionals: New and Revised Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Mañoso-Pacheco et al. 2020 — Mañoso-Pacheco L., Sánchez-Cabrero R., Arigita-García A., Pericacho-Gómez F. J. Evidentiality in the Discourse. Setting Boundaries. *Enero — Junio*. 2020, 13 (26): 58–77.
- Nuyts 2006 — Nuyts J. Modality: Overview and linguistic issues. In: *The expression of modality*. Frawley W. (ed.). Berlin: Mouton De Gruyter, 2006. P. 1–26.
- Palmer 2001 — Palmer F. R. *Mood and Modality*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

- Plungian 2001 — Plungian V. The place of evidentiality within the universal grammatical space. *Journal of Pragmatics*. 2001, (33): 349–357.
- Rooryck 2001 — Rooryck J. Evidentiality. Part I. *Glott International*. 2001, 5 (4): 125–133.
- Simons 2007 — Simons M. Observations on embedding verbs, evidentiality, and presupposition. *Lingua*. 2007, 117 (6): 1034–1056.
- Song 2014 — Song M.-Y. The Semantics of hearsay evidentials in propositional attitude constructions. *Studies in Modern Grammar*. 2014, (81): 139–164.
- Speas 2004 — Speas M. Evidentiality, logophoricity and the syntactic representation of pragmatic features. *Lingua*. 2004, (114): 255–276.
- Sweetser 1984 — Sweetser E. E. *Semantic Structure and Semantic Change: English Perception-Verbs in an Indo-European Context*. Trier: L. A. U. T., 1984.
- Tosun, Vaid 2018 — Tosun S., Vaid J. Activation of Source and Stance in Interpreting Evidential and Modal Expressions in Turkish and English. *Dialogue & Discourse*. 2018, 9 (1): 128–162.
- Wiemer 2010 — Wiemer B. Hearsay in European Languages toward an integrative account of grammatical and lexical marking. In: *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. Diewald G., Smirnova E. (eds). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2010. P. 59–129.
- Willett 1988 — Willett T. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticalization of Evidentiality. *Studies in Language*. 1988, 12 (1): 51–97.

Received: March 14, 2024

Accepted: June 24, 2024